

12+

Михаил Мясников

Пятый ребёнок

Михаил Мясников

Пятый ребёнок

«Издательские решения»

Мясников М.

Пятый ребёнок / М. Мясников — «Издательские решения»,

Брошенная мужем ради молодой любовницы с четырьмя детьми на руках и огромными долгами, тридцатипятилетняя героиня вынуждена начать жизнь с чистого листа. Её единственное спасение — старый дом покойной бабушки в далёком селе. Здесь, среди сплетен соседей и бытовых проблем, она встречает своего соседа: сурового фермера тридцати шести лет, потерявшего ногу в горячей точке. Несмотря на протез и тяжёлое прошлое, он красив, силен духом и без вредных привычек.

© Мясников М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Пятый ребёнок

Михаил Мясников

Автор идеи Анастасия Сулова

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-5144-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Квартира на пятнадцатом этаже панельной высотки казалась чужой. Воздух здесь был спертый, тяжелым от невыплаканных слез и невысказанных слов. Елена сидела на краю дивана, механически покачивая на руках младшую дочь, трехлетнюю Машу. Девочка уже спала, но мать боялась положить её — стоило ослабить объятия, как реальность наваливалась с новой силой.

В комнате было темно, лишь свет уличного фонаря выхватывал из мрака разбросанные по полу детские игрушки и два чемодана у двери. Вещей было катастрофически мало для семьи из пяти человек. Всё ценное, что можно было быстро продать или перевести в валюту, муж забрал с собой ещё вчера вечером.

— Мам, я хочу пить, — раздался сонный голос десятилетнего Артёма. Он стоял в дверном проёме своей комнаты, щурясь от света из коридора. — Сейчас, солнышко, — тихо ответила Елена, стараясь не разбудить Машу. Она осторожно переложила дочку на подушку, укрыла пледом и пошла на кухню. Холодильник уныло гудел, но внутри была почти стерильная пустота: пакет прокисшего молока, засохший кусок сыра и пара яблок. Денег оставалось ровно на билет до деревни и обратно, да и то если ехать плацкартом.

Она налила сыну воды из-под крана. Вода отдавала хлоркой, но выбирать не приходилось. — А папа когда вернётся? — спросил Артём, принимая стакан. Его глаза смотрели прямо, требовательно и доверчиво. У Елены перехватило дыхание. — Папа... уехал, Тём. Надолго. По работе, — выдавила она из себя привычную ложь. — А почему он не попрощался? И телефон его выключен. Я звонил. Елена присела перед сыном на корточки, взяла его за руку. Пальцы сына были тёплыми, живыми. Её же руки застыли. — Он очень спешил. Но он нас любит. Просто так получилось. Ты иди спать, завтра рано вставать. Артём кивнул, но не ушел. Он смотрел на неё тем самым взрослым взглядом, который иногда пугал её в собственном ребенке. — Мама, мы теперь будем бедными? Вопрос прозвучал как выстрел. Елена почувствовала, как к горлу подкатывает комок. Огромные долги за квартиру, кредит на машину, которую угнал Сергей (или продал?), неоплаченные кружки... Они были не просто бедными. Они были на дне финансовой пропасти. — Нет, сынок. Мы справимся. Мы переезжаем. К бабушке Нине, помнишь её дом? Там сад, огород. Будешь мне помогать. — А школа? Мои друзья... — Здесь больше ничего нет, Тём. Только долги. Собери самые важные вещи. Игрушку одну. Любимую книгу.

Оставив сына переваривать информацию, Елена вернулась в комнату. Старшие дети, четырнадцатилетняя Катя и двенадцатилетний Димка, делали вид, что спят, но она чувствовала их напряжение. Они всё слышали. Они понимали больше, чем показывали.

Елена подошла к окну. Город внизу жил своей жизнью: мигали фарами машины, куда-то спешили редкие прохожие. Где-то там сейчас её бывший муж, Сергей. Возможно, сидит в уютном кафе с той белокурой девицей, смеется, строит планы на новую жизнь в Европе. Четыре дня назад он пришел домой и сказал всего три слова: «Я ухожу. Прости». Без объяснений, без борьбы. Просто собрал сумку и ушел, оставив ей ключи от квартиры-клетки и четырех детей.

Зазвонил телефон. На экране высветилось имя: **Светлана Викторовна**. Управляющая домом. Сердце ухнуло вниз. Этого звонка она ждала и боялась. — Слушаю, — голос предательски дрогнул. — Елена Павловна, добрый вечер, — голос управляющей был сух и официален. — До меня дошла информация о вашем семейном положении. Напоминаю, что задолженность по коммунальным платежам составляет уже семьдесят восемь тысяч рублей. Срок погашения — неделя. В противном случае мы вынуждены будем начать процедуру ограничения подачи ресурсов, а затем и выселения через суд. — Светлана Викторовна... — Елена сглотнула. — Я прошу вас... дайте нам немного времени. Всего пару недель. Я решу этот вопрос. — Неделя,

Елена Павловна. Это последнее предупреждение. И еще... Ваш супруг, Сергей Алексеевич, является созаемщиком по ипотеке. Банк также уведомил нас о просрочке платежа. Вы должны понимать серьезность ситуации. Связь оборвалась. Елена смотрела на погасший экран телефона невидящим взглядом. Семьдесят восемь тысяч. За неделю. Смешно. Невозможно. Это конец.

Она бессильно опустилась на диван рядом со спящей Машей и закрыла лицо руками. Слезы наконец прорвались наружу — горячие, злые, обжигающие. Как они будут жить? Куда идти? Продавать нечего, занимать не у кого. Все подруги остались в кругу общения Сергея, звонить им после такого унижения было выше её сил.

И тут пришло озарение. Бледное, слабое, как лучик света в глухом подземелье. Деревня. Дом бабушки Нины. Тот самый, где она проводила каждое лето в детстве. Старый, покосившийся, но свой. Земля. Сад. Огород. Там нет управляющих компаний и долгов за центральное отопление. Там можно выжить. Можно попытаться.

Решение упало на плечи гранитной плитой, но оно давало цель. Утро вечера мудренее. Завтра. Завтра они начнут собирать то небольшое, что осталось. Завтра они поедут туда, где воздух чище, а люди, может быть, окажутся добрее.

Елена легла на диван, притянув к себе спящую дочь. Рядом сопели старшие дети. Четверо детей. Ради них она должна быть сильной. Должна найти выход. Даже если этот выход ведет в старый деревенский дом, о котором она не вспоминала годами. Жизнь действительно начиналась с абсолютно чистого, пугающего листа. И писать эту новую историю ей придется самой.

Елена откладывала этот переезд почти год. Как только в разговорах с Сергеем начинало пахнуть холодом — за полгода до его ухода, — она мысленно составляла план побега. «Если что-то случится, мы уедем к бабушке», — эта мысль была её спасательным кругом, который она сжимала в руках под водой семейных скандалов. Но каждый раз, когда волна отчаяния отступала, она находила причину остаться.

Сначала это была школа. Катя готовилась к ОГЭ, Димка был записан в сильную секцию по плаванию, Артём ходил на курсы робототехники. Перевести их всех в сельскую школу? Обречь на потерю уровня образования?

Потом — работа. У Елены была удаленная подработка дизайнером, но стабильного дохода она не приносила, а Сергей стабильно попрекал её этим, называя хобби. Она боялась признаться даже себе, что боится полной финансовой зависимости от него в деревне.

И, конечно, гордость. Признать поражение. Сказать всем (и самой себе), что городская жизнь не сложилась, что они возвращаются «в глушь». Это было равносильно капитуляции.

Поэтому она откладывала. Сначала на лето, чтобы дети отдохнули. Потом до осени, чтобы Катя закончила учебный год. Затем до Нового года... А потом наступило то самое утро, когда муж просто ушел, забрав ключи от машины и оставив после себя звенящую тишину и запах чужих духов. План, который она так долго прятала в дальний угол сознания, стал единственным выходом. И на его реализацию у неё оставалось ровно семь дней.

Сбор вещей превратился в трагикомедию. Елена выделила каждому ребенку по одной дорожной сумке. Только самое необходимое. Но для них это было расставанием со всей прошлой жизнью.

Елена откладывала этот переезд почти год. Как только в разговорах с Сергеем начинало пахнуть холодом — за полгода до его ухода, — она мысленно составляла план побега. «Если что-то случится, мы уедем к бабушке», — эта мысль была её спасательным кругом, который она сжимала в руках под водой семейных скандалов. Но каждый раз, когда волна отчаяния отступала, она находила причину остаться.

Сначала это была школа. Катя готовилась к ОГЭ, Димка был записан в сильную секцию по плаванию, Артём ходил на курсы робототехники. Перевести их всех в сельскую школу? Обречь на потерю уровня образования?

Потом — работа. У Елены была удаленная подработка дизайнером, но стабильного дохода она не приносила, а Сергей стабильно попрекал её этим, называя хобби. Она боялась признаться даже себе, что боится полной финансовой зависимости от него в деревне.

И, конечно, гордость. Признать поражение. Сказать всем (и самой себе), что городская жизнь не сложилась, что они возвращаются «в глушь». Это было равносильно капитуляции.

Поэтому она откладывала. Сначала на лето, чтобы дети отдохнули. Потом до осени, чтобы Катя закончила учебный год. Затем до Нового года... А потом наступило то самое утро, когда муж просто ушел, забрав ключи от машины и оставив после себя звенящую тишину и запах чужих духов. План, который она так долго прятала в дальний угол сознания, стал единственным выходом. И на его реализацию у неё оставалось ровно семь дней.

Сбор вещей превратился в трагикомедию. Елена выделила каждому ребенку по одной дорожной сумке. Только самое необходимое. Но для них это было расставанием со всей прошлой жизнью.

В комнате Кати царил хаос. Четырнадцатилетняя дочь сидела на полу посреди горы одежды и плакала навзрыд. — Я не могу выбрать! Мама, как я возьму всего одну сумку?! Здесь все мои платья! И косметика! — Котёнок, там нет места для десяти платьев, — устало говорила Елена, пытаясь сложить джинсы аккуратной стопкой. — Возьми пару футболок, одни джинсы, теплую кофту. Всё остальное купим на месте. — Купим?! — взвилась Катя. — На какие деньги?! Ты сама говорила, что мы банкроты! Я не поеду туда оборванкой! Там же все деревенские будут пялиться! — Там будет новая школа, новые друзья... — Друзья?! В этой дыре?! — Катя схватила плюшевого медведя, которого ей подарили на десятилетие, и прижала к груди. — Ладно одежда, но его я беру! Он занимает место трёх футболок, но мне плевать! Елена молча кивнула. Медведь полетел в сумку поверх аккуратно сложенных вещей.

У Димки процесс шел иначе. Он сидел на кровати, методично открывая ящики своего стола. — Мам, я всё посчитал, — деловито сообщил он. — Если взять только учебники по основным предметам, должно влезть. Тетради можно купить новые. Он вытащил из-под кровати огромную коробку с коллекцией машинок на радиоуправлении. — Дим, ты же понимаешь, что мы не можем везти это всё? — тихо спросила Елена. Сын посмотрел на неё совершенно взрослым взглядом. — Да. Я понимаю. Я оставлю их здесь. Может быть... может, дядя Витя с третьего этажа заберёт своему внуку. Они хорошие. Димка выбрал одну, самую любимую модель — черную гоночную Ferrari. Он бережно завернул её в свою толстовку и положил в сумку. Рядом легла книга о космосе и графический планшет, который ему подарил отец на день рождения.

Артём собирал вещи дольше всех. Он бродил по квартире с маленьким рюкзачком за плечами, который казался огромным на его щуплой фигурке. — Сынок, что ты берёшь? — окликнула его Елена, складывая детские вещи Маши. — Не знаю, мам, — шмыгнул носом Артём. — Игрушек много. Очень жалко оставлять пожарную машину. И железную дорогу тоже. — Выбери ту игрушку, которая тебе снится, — подсказала Елена, присаживаясь рядом с ним на корточки. Мальчик задумался на секунду, а потом просиял: — Тогда динозавра! Большого тираннозавра! Папа говорил, он меня защитит. Огромный пластиковый ящер занял половину его рюкзака. Вторую половину заняли альбом для рисования, коробка карандашей и почему-то один рваный тапочек-слоник Маши, который он нашел под диваном. — Он смешной, — серьезно пояснил Артём. — Будет нас веселить.

К вечеру четыре сумки стояли в коридоре. Они выглядели жалкими и сиротливыми. Содержимого этих баулов явно не хватало, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся в их жизнях. Елена обвела взглядом квартиру. Стены, которые помнили смех, ссоры, дни рождения. Теперь здесь остались лишь долги и призрак ушедшего мужчины. Она взяла Машу на руки, та сонно потерла глазки кулачком. — Ну что, команда, готовы к приключениям? — попыталась

бодро спросить Елена, хотя голос дрогнул. Катя фыркнула, Димка пожал плечами, а Артём крепче прижал к себе рюкзак с динозавром. — Готов, — тихо сказал он. — Поехали отсюда.

Елена смотрела на четыре сумки в коридоре и понимала: это всё, что осталось от их прошлой жизни. Всё остальное — воспоминания, долги и предательство — они оставляли здесь, запирая дверь квартиры, которую она когда-то с такой любовью обставляла. Ключ со звоном упал в сумочку. Решение откладывать переезд целый год теперь казалось ей самой большой глупостью в её жизни. Если бы она уехала раньше... Но «если бы» не кормит детей и не чинит протекающую крышу.

Поездка до деревни заняла почти весь день. Сначала два часа на метро до вокзала, где Елена постоянно одёргивала Артёма, который норовил отбежать посмотреть на поезда. Потом пять часов в душном плацкартном вагоне.

В купе было тесно. Катя демонстративно надела наушники и отвернулась к окну, делая вид, что спит, хотя по напряжённой спине было видно — она просто не хочет разговаривать. Димка уткнулся в книгу о космосе, пытаясь спрятаться за страницами от реальности. Маша капризничала, требуя то сок, то печенье, а потом уснула прямо на руках у матери, измученная дорогой и жарой.

— Мам, а там интернет будет? — тихо спросил Артём, сидя на нижней полке и болтая ногами. Он единственный, кто пытался поддерживать диалог. — Будет, солнышко. Бабушка говорила, сосед ей антенну поставил. Медленный, конечно, но для учебы хватит, — соврала Елена, сама толком не зная правды. Она лишь надеялась, что связь там есть. — А школа какая? Там хулиганы есть? — Не знаю, Тём. Посмотрим. Главное — веди себя хорошо. Ты же у меня умный мальчик. Артём вздохнул и прижался к её плечу. — Я скучаю по папе, мам. У Елены внутри всё сжалось. Она погладила сына по голове, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Я тоже, малыш. Очень скучаю. Но папа сделал свой выбор. Нам нужно быть сильными друг за друга.

Когда поезд наконец прибыл на маленькую станцию, уже смеркалось. На перроне пахло пылью и сухой травой. Они вышли последними, волоча за собой свои пожитки. Такси до деревни стоило баснословных денег, поэтому пришлось ждать старенький автобус-развалюху, который ходил раз в три часа.

Автобус подбрасывало на каждой кочке проселочной дороги. Городские огни давно скрылись из виду, вокруг была кромешная темнота, разбавляемая лишь светом фар, выхватывающим из мрака верхушки деревьев. Дети притихли, уставшие и напуганные неизвестностью.

Дом бабушки Нины стоял на самом краю села. Когда водитель высадил их, указав рукой в темноту («Там метров двести, дойдете»), Елена почувствовала настоящий ужас. Темнота, тишина, нарушаемая только стрекотом сверчков, и полная неизвестность впереди. Она взяла Машу на руки, Димка взялся нести самую тяжелую сумку, а Катя, закатив глаза, потащила свою.

Калитка скрипнула, вторя мрачному настроению. Двор зарос высокой травой. Елена достала ключ, который хранила все эти годы «на всякий случай». Замок поддался не сразу, издав ржавый скрежет.

Они вошли в дом, и в нос ударил запах сырости и пыли — аромат долгого запустения. Елена нашарила на стене выключатель. Щелчок. Лампочка под потолком тускло мигнула и загорелась слабым желтым светом.

Комната выглядела так, будто бабушка вышла отсюда минуту назад и должна вернуться с минуты на минуту. Плед на диване, вязаные салфетки на телевизоре, старые фотографии на стенах. И слой пыли повсюду.

— Ну, здравствуй, дом, — прошептала Елена. Катя бросила сумку на пол и обвела взглядом комнату. — Это что, шутка? Мы будем жить *здесь*? Тут даже ванной нет! — Есть летний душ во дворе, — машинально ответила Елена, опуская спящую Машу на старый диван. —

Летний?! Зимой?! — Котёнок, пожалуйста, давай без истерик. Хотя бы сегодня. Мы устали. Давайте просто разложим вещи и ляжем спать. Утром будет легче. Димка молча прошел вглубь дома, заглянул на кухню. — Вода есть, мам. Из крана течёт. Правда, рыжая какая-то. — Ничего, отстоится, — Елена пыталась говорить уверенно. — Артём, ты поможешь мне найти постельное белье? Оно должно быть в шкафу наверху. Мальчик кивнул и полез на табуретку открывать антресоли.

Пока дети пытались обжиться, Елена стояла посреди комнаты и слушала тишину. Год она цеплялась за эту городскую квартиру, боясь признать поражение. Теперь же, стоя в бабушкином доме, она вдруг поняла, что именно здесь, среди этих стен, пропитанных памятью о счастливом детстве, она впервые за долгое время чувствует себя хоть немного защищенной. Здесь Сергей её не найдет. Здесь им никто не скажет, что они банкроты. Это был их последний рубеж.

Она подошла к окну и выглянула наружу. Где-то через несколько домов горел одинокий огонек. Кто-то не спал. Соседи. Завтра придется знакомиться. Объяснять свое появление. Елена глубоко вдохнула прохладный ночной воздух. Что ж, завтра начнется новая глава. И первый абзац в ней должен быть написан твердо.

Первые полчаса в доме прошли в суетливой тишине, нарушаемой лишь тяжелым дыханием детей и шорохом вещей. Елена чувствовала себя взломщиком в собственном прошлом. Она включала свет во всех комнатах, пытаясь прогнать тени по углам, но тусклая лампочка под потолком только подчеркивала запустение. Воздух был плотным, неподвижным — смесь запаха слежавшейся пыли, сухого дерева и той самой, горьковатой полынной свежести, которая всегда ассоциировалась у неё с летом.

— Мам, а мы где спать будем? Тут одна кровать! — голос Артёма вывел её из оцепенения. Он стоял посреди большой комнаты (которую бабушка называла «зал») и растерянно смотрел на узкий диван-«книжку». — Сейчас разберемся, солнышко, — Елена заставила себя улыбнуться. — Катя, Дим, давайте сдвинем кресла-кровати в детской. Там хоть как-то поместимся все вместе. Как в походе будет! Катя фыркнула, но спорить не стала. Сил на бунт уже не осталось. Пока мальчики возились с раскладушками, которые пахли резиной и хранились на балконе, Елена пошла осматривать кухню.

Это было первое столкновение с реальностью, которое ударило сильнее, чем холодная вода из крана. Ржавая струя действительно быстро посветлела, но сам кран при повороте рычал так, будто собирался отвалиться. Газовая плита была старой, советской, с чугунными конфорками. На ней стояла эмалированная кастрюля со сколотой эмалью. В шкафчиках нашлась пачка соли с окаменевшим комком внутри и банка чая, срок годности которого истек еще до рождения Маши.

Елена открыла холодильник. Внутри царил запах тлена. Когда-то белый пластик пожелтел и покрылся темными пятнами плесени. Она захлопнула дверцу. Холодильник придется размораживать и мыть хлоркой, прежде чем что-то туда положить. А купить продукты... об этом она подумает завтра. Если хватит денег доехать до магазина.

Вернувшись в зал, она увидела, что дети кое-как обустроили себе гнездо. Маша спала, завернутая в старый плед, который вытащили из шкафа. От него тоже пахло пылью. — Я проверю крышу, — тихо сказала Елена Димке, беря с полки в коридоре мощный фонарь, оставшийся от бабушки. Ночь встретила её прохладой и оглушительной тишиной села. Ни шума машин, ни гула города. Только стрекот сверчков и далекий лай собаки. Дом встретил её черным провалом крыльца. Фонарь высветил ступени, скрипнувшие под ногой. Чердак находился через небольшую дверь в сенях. Лестница была приставной, деревянной. Сердце екнуло: лезть наверх одной, ночью... Но звук капающей воды, который она услышала еще изнутри, придавал решимости. Она поднялась, стараясь не думать о пауках. Луч фонаря разрезал темноту. Первое впечатление — пространство огромное и пустое. Балки уходили вверх, теряясь во мраке. Второе впечатление — дом живой. Он поскрипывал, вздыхал, оседая после долгой дороги.

И третье, самое неприятное — звук. Мерный, глухой *кап-кап-кап*. Не просто звук, а целая мелодия отчаяния. Луч света нашел источник. Крыша над кухней прохудилась. Дождевая вода скапливалась в полиэтиленовой пленке, которой кто-то (наверняка сама бабушка) укрыл старые вещи, и переливалась через край прямо на пол чердака. Рядом стояло ржавое ведро, наполовину полное. Значит, проблема старая, но пока терпимая. Спустившись вниз, Елена прислонилась спиной к холодной стене. Усталость навалилась бетонной плитой. Мысли были четкими и пугающими:

Крыша. Это приоритет номер один. Без крыши они тут не перезимуют.

Вода. Нужно кипятить всё. Купить фильтр или хотя бы марлю для отстаивания.

Деньги. Семьдесят восемь тысяч. Нереальная сумма. Ей нужно срочно искать работу. Любую. Может быть, местная школа возьмет учителем рисования на полставки?

Дети. Им здесь страшно и непривычно. Особенно Кате. Завтра начнется школа, и это станет новым испытанием.

Она вернулась в дом, заперла дверь на тяжелый засов. Звук задвигаемого металла принес странное чувство безопасности. Здесь толстые стены. Сюда никто не войдет без её ведома. Сергей не знает этого адреса. Они в безопасности. Елена заглянула в комнату. Дети спали вповалку, сбившись в кучу для тепла. Даже Катя во сне подсунула ладонь под щеку, совсем как маленькая. Елена накинула на них еще одно одеяло, найденное в шкафу. Она легла на самом краю дивана, положив руку на спину Маше. Диван был продавленным и неудобным. Сквозняк от окна охлаждал ноги. Но впервые за последние месяцы Елена почувствовала нечто похожее на покой. Да, здесь пыльно. Да, крыша течет. Да, впереди неизвестность и борьба. Но этот старый дом принял их. Он стал их крепостью. И утром им предстоит узнать, примет ли их ещё и эта новая, чужая деревня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.